

*Попаданка на аукционе рабынь:
выжить любой ценой*

*Александр Поворот
Реки*

Александр Поворот Реки

**Попаданка на аукционе
рабынь: выжить любой ценой**

«Автор»

2026

Поворот Реки А.

Попаданка на аукционе рабынь: выжить любой ценой / А. Поворот Реки — «Автор», 2026

Еще утром моей главной проблемой был выбор между латте на миндальном молоке и эспрессо с тоником. А потом я толкнула дверь кофейни — и попала в ад. Тот же город, те же улицы, но чужая, искаженная реальность. Мир, в котором человечество так и не отменило рабство. Здесь люди делятся на два вида: Хозяева со сверкающими браслетами на запястьях и бесправный, сломленный скот. У меня нет браслета. А значит, для местной элиты я — просто экзотический товар, который скоро пойдет с молотка. Я думала только о том, как выжить и найти портал домой. Пока не узнала страшную правду: они открыли двери в наш мир, чтобы похищать людей прямо с улиц. И мою младшую сестру уже выставили на торги. Чтобы спасти ее, мне придется внедриться в высшее общество и вступить в смертельную игру с жестоким Архитектором системы. Я не солдат. Я обычная девушка из мегаполиса. Но они совершили роковую ошибку, решив, что могут сделать из меня вещь. Я не надена их ошейник.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Поворот Реки Попаданка на аукционе рабынь: выжить любой ценой

Глава 1.

Моя жизнь закончилась в тот самый момент, когда я поняла, что в этом мире человеческая плоть стоит дешевле, чем кусок штампованного металла на запястье.

Я бежала так, как не бегала никогда в жизни. Легкие горели, словно в них плеснули кислотой, а дорогие итальянские туфли, купленные всего пару часов назад на распродаже, давно остались где-то в грязной подворотне. Босые ноги скользили по мокрому, залитому ледяным дождем асфальту, сбиваясь в кровь о битое стекло. Но боль была ничем по сравнению с тем липким, первобытным ужасом, что гнал меня вперед.

— Обнаружен незарегистрированный биологический объект. Сектор 4. Отсутствует маркер принадлежности, — раздался над головой механический, лишенный любых эмоций голос.

Я вжалась в узкую щель между двумя мусорными контейнерами, задыхаясь от запаха гниющей органики. Над узким переулком, разрезая пелену дождя красным лазером, проплыл поисковый дрон. Его луч скользнул в миллиметре от моего лица.

«Что происходит? Боже, что здесь происходит?!» — эта мысль пульсировала в висках, как сигнал тревоги.

Еще утром я была Алисой — успешным дизайнером, девушкой, чьей главной проблемой был выбор между латте на миндальном молоке и эспрессо-тоником перед утренней планеркой. Я помнила, как толкнула тяжелую стеклянную дверь кофейни на проспекте. Помнила звон колокольчика. Вспышку света, от которой на секунду заложило уши. А потом... потом я шагнула в ад.

Улица была той же самой. Те же очертания высоток, врезающихся в свинцовое небо, та же геометрия перекрестка. Но все остальное изменилось до неузнаваемости. Вместо рекламных щитов с новыми смартфонами на фасадах зданий горели неоновые голограммы, от которых кровь стыла в жилах: «Свежий завоз! Элитные слуги с Кавказа. Гарантия покорности. Чипирование в подарок при покупке от двух единиц».

Люди вокруг тоже изменились. Точнее, они разделились на два биологических вида. Первые шли с гордо поднятой головой, закутанные в непромокаемые плащи. На их правых запястьях тускло мерцали массивные браслеты — серебряные, золотые, платиновые. Это был символ жизни. Символ того, что ты человек.

Вторые... вторых было большинство. Они двигались бесшумными тенями, опустив глаза в асфальт. Одетые в одинаковую серую робу, они тащили тяжелые сумки, держали зонты над своими господами или просто стояли на коленях у обочин, ожидая приказов. На их шеях пульсировали тонкие светодиодные ошейники, а на руках не было ничего. Никаких браслетов. Только пустота, означающая, что ты — вещь. Скот. Инвентарь.

А я? Я стояла посреди тротуара в своем стильном бежевом тренче, с идеальной укладкой и ярким макияжем. Я была ярким, кричащим пятном в этом сером море бесправия. И у меня не было браслета.

Осознание того, что я стала добычей, пришло в ту секунду, когда ко мне подошли двое в черной униформе. На их плечах сверкали шевроны с изображением скрещенных цепей. Ловцы.

— Эй, куколка, — процедил один из них, здоровяк с вмонтированным, металлическим глазом. Он не просил документы. Он не спрашивал, кто я. Его взгляд сразу упал на мои голые

запастья. — Какая роскошная бесхозная вещь. Как ты выбралась из загона? Иди-ка сюда, за тебя на невольничьем аукционе дадут годовой бонус. Экзотика. Ни единого шрама от клейма.

Я попыталась возмутиться. Я кричала, что я гражданка, что я вызову полицию, адвоката, что это чья-то большая шутка. Мой голос сорвался, когда Ловец просто расхохотался, вытаскивая из-за пояса шокер. Электрическая дуга со щелчком рассекла воздух.

— Полицию? — усмехнулся второй. — Полиция защищает Людей. А ты, кусок мяса, просто ходячие деньги.

Я ударила его. Ударила инстинктивно, каблуком в колено, и, пока он выл от неожиданной боли, рванула в толпу. Никто не попытался мне помочь. Рабы в серых робах шарахались от меня, как от чумной, вжимая головы в плечи, боясь даже посмотреть в мою сторону. Свободные с браслетами брезгливо морщились или с жадным интересом оценивали мою фигуру, словно прикидывая, стоит ли перекупить меня у Ловцов прямо здесь, на улице.

И вот теперь я сидела в грязи, дрожа от холода и ужаса. Дождь смывал остатки моей прошлой, безопасной жизни. Мой внутренний мир разрывался на части. Как я могла оказаться здесь? Параллельная вселенная? Сдвиг во времени? Мир, где человечество так и не отменило рабство, а лишь модернизировало его, облачив в неон, цифровую слежку и нейросети?

Здесь не было подпольных путей свободы. Не было правозащитников. В этом мире, если на тебе нет браслета — ты не существуешь юридически. Ты — говорящий инструмент. А молодая, красивая девушка без хозяина — это бриллиант, валяющийся посреди площади, полной мародеров.

Шаги. Тяжелые, размеренные шаги подкованных ботинок. Они приближались.

— Она где-то здесь, — раздался хриплый голос Ловца, усиленный вокадером. — Дрон засек тепловой след. Блокируйте переулок. Эта сука стоит больше, чем весь наш квартальный заработок. Только не испортите ей лицо. Клиенты из Верхнего Города любят идеальных кукол.

Я зажала рот обеими руками, чтобы не закричать. Сердце колотилось о ребра с такой силой, что, казалось, они сейчас треснут.

Куда бежать? Я не знала этого города, хотя знала каждую его улицу. Я помнила, что за этим переулком должен быть спуск в метро. Но работает ли оно здесь для таких, как я? Смогу ли я пройти через турникет без браслета, или меня ударит током в тысячу вольт?

Внезапно луч фонарика выхватил из темноты мои окровавленные ступни.

— Попалась, дрянь, — довольно прорычал Ловец, выступая из мрака. В его руке гудел парализатор. На губах играла предвкушающая улыбка.

Инстинкт самосохранения вытеснил панику, оставив кристально чистую ярость. Я не позволю надеть на себя ошейник. Я не стану чьей-то вещью в этом извращенном мире.

Я схватила с земли тяжелый, заржавленный кусок водопроводной трубы, даже не заметив, как острые края впились в ладони.

Ловец шагнул ко мне, разводя руки, словно собирался обнять.

— Тихо, тихо, животное. Одно движение — и я поджарю твои синапсы. Ты проснешься уже на Центральном рынке, прикованная к подиуму.

Он протянул руку к моему горлу. Время замедлилось. Капля дождя медленно скатилась по его металлическому браслету — символу его абсолютной власти.

«Свободных людей делает свободными не железо», — подумала я, крепче сжимая трубу.

Я вскочила, бросая свое тело вперед с животным, нечеловеческим криком, целясь прямо в лицо Ловца. Если этот мир хочет видеть во мне дикарку без прав и документов — он ее получит. Но дешево они мою свободу не заберут.

Звук металла о кость заглушил шум дождя. Моя новая реальность началась со вкуса крови на губах. И я собиралась выжить в ней любой ценой.

Звук удара отозвался эхом в узком переулке. Ловец рухнул на колени, выронив шокер, и схватился за разбитое лицо, сквозь пальцы которого хлестала темная кровь.

Его напарник замер всего на долю секунды — ровно на то мгновение, которое потребовалось его мозгу, чтобы осознать немыслимое: вещь подняла руку на хозяина.

Этой секунды мне хватило.

Я не стала добивать. Бросив окровавленную трубу в лужу, я рванула вглубь подворотни с такой скоростью, на которую, казалось, человеческое тело просто не способно.

— Взять ее! Код «Красный»! Брак на свободе! — истошно взвыл позади второй Ловец.

Город мгновенно ожил, реагируя на мой бунт, как иммунная система на смертельный вирус. Дождь прорезали лучи поисковых прожекторов. Где-то наверху, среди шпилей небоскребов, взвыла многоголосая сирена. Я услышала нарастающий гул роторов — к переулку слетались тяжелые патрульные дроны.

Я мчалась вслепую. Ступни горели огнем, каждое касание асфальта отдавалось вспышкой боли, но адреналин глушил ее, превращая страх в чистое, животное топливо. Поворот. Еще поворот. Тупик? Нет, узкая щель между глухой кирпичной стеной и забором под напряжением. Я протиснулась туда, обдирая кожу на плечах, и кубарем скатилась по скользким бетонным ступеням в какой-то технический провал.

Над головой, обдавая меня жаром, пронеслась пара дронов. Их красные сканеры скользнули по ступеням всего в паре метров от меня. Я вжалась в ледяной бетон, задерживая дыхание, пока гул не стих вдали.

Только тогда я позволила себе сделать вдох. Легкие судорожно сжались, к горлу подкатила тошнота. Я огляделась.

Я находилась в длинном сервисном туннеле, тускло освещенном аварийными лампами. В нос ударил резкий, тошнотворный запах: смесь медицинского спирта, жженой резины. Откуда-то снизу, из-под стальных решеток пола, доносился ритмичный, механический гул и странные, приглушенные звуки. Звуки, от которых волосы на затылке вставали дыбом.

Сглотнув вязкую слюну, я на четвереньках поползла вперед, ориентируясь на свет, пробивающийся сквозь вентиляционную решетку в конце туннеля. Добравшись до нее, я стерла грязными руками капли воды с лица и заглянула вниз.

То, что я увидела, заставило мое сердце остановиться.

Подо мной раскинулся гигантский, ярко освещенный стерильным белым светом зал, похожий на нечто среднее между заводским конвейером и скотобойней.

Самое дикое заключалось в том, что сквозь стеклянные секции потолка этого ангара я видела... дно огромного бассейна с прозрачной водой, в котором плавали люди. Сквозь толщу воды доносилась приглушенная, расслабляющая лаунж-музыка. Это был элитный торговый центр или спа-курорт для «хозяев жизни». Они отдыхали, пили коктейли и смеялись буквально в десяти метрах над тем адом, что творился здесь.

Зал был поделен на загоны, обнесенные силовыми полями. И в этих загонах сидели сотни людей. Мужчины, женщины, подростки. Все они были раздеты до белья, их тела покрывали кровоподтеки и грязь. Многие плакали, кто-то раскачивался из стороны в сторону, кто-то просто лежал, глядя в пустоту.

— Партия 14-Б, на стерилизацию и чипирование, — пронесся по залу синтезированный голос.

Стальные ворота одного из загонов с шипением разъехались. Вовнутрь шагнули люди в тяжелых бронекостюмах, вооруженные шоковыми дубинками. Они хватали кричащих, упирающихся пленников и волокли их к конвейерной ленте.

Я зажала рот обеими руками, впиваясь ногтями в щеки, чтобы не выдать себя криком.

Прямо подо мной, на хирургическом кресле, бился молодой парень. На вид ему было не больше двадцати. Обычный парень, может быть, студент. Он кричал, плевался кровью, пытался укусить держащего его надсмотрщика.

— Пошли вы! Я человек! Вы не имеете права! — орал он, срывая голос.

Надсмотрщик лишь лениво усмехнулся, ударив его дубинкой под ребра. Парень захрипел, обвисая в ремнях.

К креслу подошел человек в белом пластиковом фартуке. В его руках блеснул прибор, похожий на массивный пневматический пистолет. Он приставил его к задней части шеи парня. Раздался громкий, влажный щелчок.

Парень выгнулся дугой. Из-под прибора полыхнуло синим светом. А затем человек в фартуке защелкнул на его шее тонкий светодиодный ошейник.

Я смотрела на лицо этого мальчишки. Секунду назад в нем была ярость, жизнь, искра сопротивления. Но как только ошейник мигнул зеленым, тело парня обмякло. Лицо разгладилось, превратившись в безжизненную, апатичную маску. Глаза стали пустыми, стеклянными, как у фарфоровой куклы.

— Код покорности загружен, — буднично сообщил человек в фартуке. — Встать. Иди в секцию распределения.

И парень встал. Он больше не кричал. Не сопротивлялся. Он просто покорно опустил голову и механической походкой зашагал вслед за надсмотрщиком, встав в ровный строй таких же серых, лишенных воли теней.

Меня затрясло крупной дрожью. Я прижалась лбом к холодной решетке вентиляции, глотая слезы.

Они не просто убивали людей здесь. Это было бы слишком милосердно. Они убивали личность. Они стирали воспоминания, волю, характер, превращая живого, чувствующего человека в управляемый кусок мяса, в бытовой прибор.

«Если меня поймут, — с леденящей кристальной ясностью осознала я, — они сделают это со мной. Алиса исчезнет. Останется только оболочка, которая будет наливать кому-то вино, покорно улыбаться и выполнять любые, даже самые больные приказы, не в силах даже подумать о сопротивлении».

Внезапно снизу раздался резкий, режущий слух зуммер.

— Внимание. «Обнаружен несанкционированный тепловой след в техническом секторе Альфа-4», — провозгласил механический голос. — Сектор над зоной стерилизации.

Мое сердце оборвалось. Сектор Альфа-4. Это здесь. Прямо там, где я лежу.

Я увидела, как внизу несколько охранников резко вскинули головы, уставившись прямо на вентиляционную решетку, за которой я пряталась. Один из них поднял крупнокалиберный парализатор.

Смерть больше не казалась мне худшим сценарием. Смерть была роскошью, которую я должна была заслужить, чтобы не оказаться в этом кресле.

Я отшатнулась от решетки, вскочила на стертые в кровь ноги и бросилась бежать во тьму туннеля, не зная, куда он ведет. Я знала только одно: живой они меня не возьмут. Никогда.

Глава 2.

Я бежала по техническому туннелю, и каждый мой шаг отдавался глухим влажным эхом. Мои босые ступни давно превратились в сплошную саднящую рану. Я уже не чувствовала, как острые края ржавых решеток и каменная крошка впиваются в плоть. Тело отключило периферическую боль, бросив все ресурсы нервной системы на выполнение единственной первобытной задачи: выжить. Убежать.

Но туннель сужался. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным испарениями машинного масла, застоявшейся воды и чем-то неуловимо сладковатым. Запахом гнили. Запахом мертвого мира, скрытого за неоновой роскошью.

Сзади, из темноты, которую я только что пронзила своим отчаянным рывком, доносился ритмичный, неумолимый стук.

Крок. Крок. Крок.

Тяжелые армейские ботинки с магнитными подошвами стучали по бетону. Они не бежали. Им не нужно было бежать. Система не знает усталости. Система знает, что загнанная крыса в трубе рано или поздно упрется в стену.

И стена появилась.

Свет мигающей аварийной лампы, заливающий туннель тошнотворно-желтым сиянием, выхватил из темноты массивную стальную переборку. Гермодверь. Ржавая, толщиной в ладонь, с массивным колесом запорного механизма по центру.

Я врезалась в нее плечом с такой силой, что в суставе что-то хрустнуло. Пальцы, скользкие от моей собственной крови и конденсата, вцепились в холодный металл вентиля. Я потянула его на себя. Влево. Вправо. Еще раз. На шее вздулись вены, из горла вырвался жалкий звериный скулеж.

Замок был мертв. Заварен или заблокирован электроникой десятилетия назад.

Я прижалась спиной к ледяной стали и сползла по ней вниз. Холод металла пронзил позвоночник. Это был тупик. Конец пути.

Крок. Крок. Крок.

Звук шагов стал громче. Теперь к нему добавилось гудение сервоприводов. Охотники были в тяжелой броне.

В дальнем конце туннеля сквозь пелену пара пробивались три тонких красных луча. Лазерные целеуказатели. Они скользили по влажным кирпичным стенам, словно щупальца глубоководного хищника, ощупывающего дно.

— Блокируй периметр, — раздался искаженный вокадером голос, сухой и синтетический, лишенный даже намека на человеческую интонацию. — Тепловой след обрывается здесь. Девочке некуда деться.

— Живой брат? — лениво поинтересовался второй голос. В нем, в отличие от первого, слышалась мерзкая, садистская ухмылка.

— Приоритет — целостность нейроузлов и лица. Остальное Валериусу не интересно. Ломайте ей ноги, если будет дергаться. Главное, чтобы ошейник защелкнулся.

Они говорили обо мне так, словно обсуждали покупку подержанного автомобиля. Как о куске биоматериала.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором вспыхнула картина из той, прошлой жизни, которая закончилась сегодня утром. Моя уютная квартира. Запах кофе. Недописанный отчет на экране ультратонкого ноутбука. Планы на вечер пятницы. Господи, какая же это была нелепая, хрупкая иллюзия. Мы строим свои картонные домики из прав человека, законов и морали, но стоит сделать один неверный шаг, провалиться в щель между мирами — и ты снова в каменном веке. Только у пещерного человека теперь есть электрошокеры и чипы покорности.

Я вспомнила парня в хирургическом кресле этажом выше. Его стеклянные, мертвые глаза после того, как на шею защелкнулся пластиковый фиксатор.

Страх — липкий, парализующий страх, который гнал меня сюда, — внезапно исчез. Его место заняла пустота. Холодная, звенящая, идеальная пустота. А на дне этой пустоты зарождалась ярость.

Я открыла глаза. Желтый свет аварийной лампы отражался в луже у моих ног. Из воды торчал кусок арматуры — тяжелый, покрытый коркой бурой ржавчины и бетонной крошкой обломок трубы длиной около полуметра. Осколок разрушенного фундамента.

Моя рука сама потянулась к нему. Пальцы сомкнулись на ребристой стали. Железо было тяжелым. Оно тянуло руку вниз, но в этой тяжести была своя извращенная надежда.

Я медленно поднялась на ноги. Колени дрожали, но я заставила себя выпрямиться. Я больше не прижималась к двери. Я сделала шаг вперед, навстречу сужающемуся коридору.

Красные лазерные точки выплыли из тумана и заплясали на моем бежевом тренче, на груди, на лице.

Из клубов пара вышли три массивные фигуры в черной матовой броне. Их лица скрывали шлемы со светящимися визорами. В руках они держали массивные парализаторы с толстыми стволами, вокруг которых плясали синие дуги статического электричества.

— О, смотри-ка, — хмыкнул центральный, останавливаясь в десяти шагах от меня. Он опустил ствол пушки и расслабленно оперся на него. — Игрушка нашла палочку.

— Бросай железяку, мясо, — будничным тоном приказал второй, делая шаг ко мне. — Ты только товарный вид портишь. Больно будет в любом случае, но, если положишь трубу, мы не будем бить тебя по почкам.

Я перехватила арматуру двумя руками, как бейсбольную битку, и подняла ее на уровень плеча. Я не произнесла ни слова. Мои губы были плотно сжаты, челюсти свело судорогой. Я знала, что они быстрее. Знала, что они защищены броней, которую не пробить куском ржавого железа.

Но я также знала, что ошейник наденут только на мое мертвое тело. Я заберу с собой хотя бы их визоры. Я размозжу хотя бы одно лицо под маской. Я умру свободной, истекая кровью на этом грязном бетоне, но я останусь Алисой.

— Как хочешь, сука, — вздохнул центральный. — Протокол захвата. Разряд на тридцать процентов. Выжгите ей моторику.

Они подняли оружие. Воздух затрещал от нарастающего напряжения. Волосы у меня на руках встали дыбом от статического электричества. Я резко вдохнула, готовясь броситься вперед, в свою последнюю бессмысленную атаку.

И в этот самый миг мир исчез.

Лопнула аварийная лампа под потолком. За ней — следующая, и следующая по цепочке.

Туннель мгновенно погрузился в абсолютно черную, непроницаемую, густую тьму.

Я замерла, ослепленная. Лазерные целеуказатели исчезли. Гудение шокеров прервалось резким щелчком, словно кто-то перерезал главный кабель питания всего сектора.

— Какого хрена? — голос охотника в темноте прозвучал растерянно. — Оптика упала. Переход на ночное...

Он не договорил.

То, что произошло в следующие десять секунд, навсегда запечатлелось в моей памяти какофонией звуков.

В крошечной тьме прямо передо мной раздался влажный тошнотворный хруст. Звук ломающейся кости был слишком громким для конечности. Скорее всего, это была шея.

Кто-то с булькающим хрипом рухнул на бетон.

— Контакт! Нас режут! — заорал второй охранник.

Вспыхнуло ослепительно-белое пламя — выстрел из чего-то кинетического на долю секунды осветил туннель. В этой стробоскопической вспышке я увидела размытый силуэт. Что-то быстрое, облаченное в черный кевлар, метнулось под дуло охранника. Сверкнуло лезвие — не сталь, а раскаленная плазма, разрезающая композитную броню охотника, как бумагу.

Крик оборвался, сменившись шипением горячей плоти и запахом паленого мяса, который ударил в ноздри, смешавшись.

— Сектор! Держи сектор! — паниковал третий, вслепую паля из шокера во тьму. Синие разряды молний хаотично освещали стены, выхватывая из темноты брызги крови и куски черного пластика.

Я жвалась в гермодверь за спиной, закрыв голову руками, оглушенная грохотом. Труба выпала из ослабевших пальцев и со звоном ударилась об пол. Эта битва была не для меня. Здесь сошлись хищники, а я была всего лишь муравьем под их ногами.

Раздался глухой удар, звук сминаемого металла (шлема?), и тяжелое тело третьего охотника с грохотом врезалось в стену в метре от меня, медленно сползая вниз.

Наступила тишина. Абсолютная, звенящая тишина, прерываемая лишь предсмертным хрипом одного из охранников и звуком капающей воды.

Я не дышала. Я до боли в глазах вглядывалась в темноту, пытаюсь разглядеть монстра, который за несколько секунд уничтожил элитный патруль.

Тихий шорох. Шаг. Совсем рядом.

Инстинкт заставил меня дернуться в сторону, но было поздно. Чья-то рука — холодная, затянута в грубую синтетическую кожу с металлическими вставками — вынырнула из темноты и железной хваткой зажала мне рот, заглушая крик. Вторая рука обхватила меня за талию. Хватка была стальной, непреодолимой.

Меня оторвали от земли. Я забилась в этих объятиях, лягалась, но человек (или киборг?) даже не шелохнулся.

В стене за моей спиной, там, где только что была сплошная кладка, вдруг с тихим гидравлическим шипением отъехала панель. В лицо дохнуло могильным холодом подземных коммуникаций.

Неизвестный сделал шаг назад, увлекая меня за собой в образовавшуюся брешь.

В ту же секунду в основном туннеле мигнул и снова загорелся тусклый желтый свет аварийных ламп. Сквозь сужающуюся щель закрывающегося потайного прохода я успела увидеть три изуродованных тела в черной броне, лежащих в лужах крови.

А затем панель с глухим щелчком встала на место, отрезав меня от туннеля. Мы оказались в узкой вентиляционной шахте.

Хватка на моем рту чуть ослабла.

— Захочешь закричать — я сверну тебе челюсть, — прошептал прямо мне в ухо хриплый человеческий голос. В нем не было ни синтетики вокадера, ни садистской радости охотников. Только смертельная усталость и холодный расчет. — Хочешь жить — переставляй ноги и не отставай.

Он отпустил меня и толкнул в спину, в темноту узкого коридора, круто уходящего вниз. Моя новая, настоящая реальность началась со спуска в преисподнюю.

Панель за моей спиной сомкнулась так тихо, будто город просто проглотил нас и тут же сделал вид, что ничего не произошло.

Я осталась в полной темноте.

Не в той темноте, когда ночью выключают свет в комнате, а за окном всё равно дышит город — фонари, фары, голубой отсвет экранов. Здесь была тьма подземная, плотная, древняя, с запахом мокрой ржавчины и пыли, которую не тревожили годами. Она липла к лицу, забивалась в рот, давила на глаза изнутри.

— Вниз, — хрипло приказал тот, кто держал меня секунду назад. — Быстро.

— Кто вы? — выдавила я шепотом.

В ответ в спину уперлось что-то твердое.

Не дуло. Палец. Или металлический сустав.

— Жить хочешь — вниз.

Я слотнула. Горло было сухим, будто я наглotalась пепла. За стеной, совсем рядом, снова завывала сирена. Звук пробивался сквозь бетон глухо, искаженно, как рев чудовища под водой.

— Незарегистрированный объект не найден. Перекрыть технические уровни. Повторяю: перекрыть технические уровни. Применение летального воздействия запрещено. Целостность объекта приоритетна.

Целостность объекта.

Меня передернуло так резко, что я едва не ударилась головой о низкий металлический потолок.

— Тише! — прошипел кто-то слева.

Там, где секунду назад была пустота, вдруг вспыхнула тонкая зеленая линия. Не фонарь — скорее, крошечный химический огонек, зажатый между пальцами. Он не освещал пространство, а только обозначал силуэты.

Их было четверо.

Первый — тот самый, с хриплым голосом, высокий, широкоплечий, в темной маске без отражений. На правой руке — перчатка, но пальцы двигались неестественно, слишком точно, с тихим сервомоторным жужжанием. Металл под тканью. Он стоял ближе всех и смотрел на меня так, будто решал, не проще ли было оставить меня охранникам.

Вторая — невысокая женщина или девушка, невозможно было понять под капюшоном и маской. За плечами у нее висел узкий рюкзак, из которого торчали свернутые кабели, ампулы, инструменты. Она держала в руках прибор, похожий на сломанную планшетку с антеннами, и водила им по воздуху.

Третий — худой, почти подросток, с глазами слишком светлыми для такого мрака. Он нес длинный футляр, прижимая его к груди. На его шее, чуть выше воротника, виднелась полоска грубого ожога: там когда-то был ошейник.

Четвертый двигался последним. Огромный мужчина, массивный, как бетонная опора. Он прикрывал тыл, но шагал неровно. Даже в слабом зеленом свете я увидела, что по его боку расплзается темное пятно.

Кровь.

— Гвоздь, — тихо сказала женщина с прибором. — Ты оставляешь след.

— Знаю, — буркнул гигант. Голос был низкий, сдавленный. — Не впервые истекаю.

— Сегодня особенный день, — отрезала она. — Сегодня за нами идут не Ловцы из районного отдела.

Высокий с металлической рукой коротко поднял ладонь.

Все замолчали.

Снаружи, за стенами, гул усиливался. Где-то над нами проносились дроны. Я не видела их, но чувствовала вибрацию в костях: низкий звук, от которого хотелось лечь на пол и закрыть голову руками.

— Сканеры, — прошептал худой.

Женщина мгновенно вытащила из рюкзака серебристое полотнище размером с плащ и расправила его над нами. Материал зашуршал, будто сухие листья. В зеленом свечении он казался жидким, меняющим форму.

— Под него, — приказала она мне.

Я не двинулась.

Мозг, загнанный в угол, цеплялся за единственное оставшееся право — не подчиняться. Эти люди убили охранников. Спасли меня — или украли у тех, кто украл первым. Я не знала, что хуже. В этом мире любая протянутая рука могла оказаться поводком.

Высокий повернулся ко мне.

— У нас нет времени на твой кризис доверия.

— Вы кто? — повторила я. Голос дрогнул, но я заставила себя смотреть ему в маску. —

Вы тоже ловите людей?

Он молчал одну долгую секунду.

Потом наклонился ближе.

— Если бы мы ловили людей, ты уже лежала бы в мешке.

Это почему-то убедило сильнее, чем любые заверения.

Я нырнула под серебристое полотнище вместе с ними. Внутри сразу стало душно. Материал касался волос, щек, плеч. От него пахло мокрой шерстью и нагретой электроникой. Мы стояли, согнувшись, почти прижавшись друг к другу, как контрабанда в тайнике.

Гул дрона приблизился.

Сквозь щели где-то в стене просочился красный свет. Он прошел по вентиляционной шахте медленно, методично, как язык по зубам. Воздух зазвенел. Волосы на моих руках поднялись дыбом.

Женщина с прибором почти не дышала. Худой парень зажмурился. Гвоздь стиснул зубы; на его лбу выступил пот.

Я услышала голос из прошлого — свой собственный, легкий, ленивый: «Я не люблю подземные переходы, там плохо пахнет». Боже. Какая маленькая, глупая женщина жила во мне еще этим утром. Какая уверенная в том, что мир устроен специально для ее удобства.

Красный свет прополз дальше.

Гул стал тише.

Высокий выждал еще три секунды, потом резким движением сорвал полотнище.

— Идем.

Мы пошли.

Точнее, они пошли, а я спотыкалась, хватаясь за стены. Проход был узким, настолько низким, что приходилось двигаться согнувшись. Металлические стенки были покрыты липким конденсатом. Из щелей торчали пучки проводов, похожие на корни мертвого дерева. Иногда под ладонью попадались старые таблички с предупреждениями, написанными почти нормальным языком: «Техническая зона. Проход запрещен». Буквы были знакомые. Город был мой. И не мой. Как лицо близкого человека, на котором кто-то вырезал чужую улыбку.

— Ступай только там, где я, — бросил высокий, не оборачиваясь. — Шаг в сторону — датчики давления.

— Здесь? — не удержалась я. — В вентиляции?

— Здесь везде.

Он сказал это так, будто объяснял ребенку, что огонь жжется.

Мы ползли по чреву города, и я постепенно начинала понимать: этот мир не просто построил рабство. Он встроил его в архитектуру, в трубы, в двери, в алгоритмы светофоров. Свобода здесь была не состоянием человека — она была доступом, разрешением, сигналом браслета. Без него стены становились капканами, улицы — загонами, воздух — чужой собственностью.

Впереди показался вертикальный люк.

Высокий откинул крышку, и снизу дохнуло холодом.

— Лестница, — сказал он. — Не смотри вниз.

Разумеется, я посмотрела.

Шахта уходила в черноту так глубоко, что зеленый огонек растворялся в ней без следа. Вдоль стены спускалась ржавая скоба за скобой. Где-то внизу гремела вода.

— Я не смогу, — прошептала я.

Высокий уже перекинул ногу через край.

— Сможешь.

— Я босая. У меня руки...

Он поднял голову. В зеленоватом полумраке его маска была пустой.

— Наверху тебя разберут на части и соберут заново, но без тебя внутри. Вниз — больно. Выбирай.

Мне захотелось ударить его. Закричать, что я не просила попадать сюда, не просила спасения, не просила этой проклятой лестницы в бездну.

Но наверху снова завывала сирена.

И я выбрала боль.

Первые ступени дались почти легко. Потом ладони начали скользить. Ржавчина забивалась под ногти. Ступни, изрезанные стеклом и металлом, снова проснулись, и каждое касание скобы было маленькой казнью. Я спускалась, сжимая зубы так сильно, что в висках стучала кровь.

Надо мной двигалась женщина с прибором. Подо мной — высокий. Ниже слышалось тяжелое дыхание Гвоздя.

— Быстрее, — донеслось сверху.

— Она не обученная, — возразил худой парень.

— Она теплая, шумная и без метки. Для системы это то же самое, что горящий факел в архиве с порохом.

— Я слышу, — выдохнула я.

— Отлично, — сказал высокий снизу. — Тогда двигайся.

Я возненавидела его в этот момент почти так же сильно, как Ловцов.

Почти.

Потому что он держался чуть ниже меня, и каждый раз, когда моя нога соскальзывала, его металлическая рука мгновенно оказывалась рядом — не трогая без необходимости, но готовая поймать. Это была странная жестокая забота. Без нежности. Без жалости. Только расчет: не дать мне умереть раньше времени.

Мы спускались, кажется, целую вечность. В какой-то момент мир сузился до трех вещей: скоба под рукой, скоба под ногой, не смотреть вниз. Я потеряла счет минутам. Потеряла ощущение собственного тела. Осталась только воля — упрямая, злая нитка, натянутая между страхом и яростью.

Потом лестница кончилась.

Я ступила на влажный бетон и едва не рухнула. Высокий поймал меня за локоть.

— Не падать.

— Спасибо за поддержку, — прохрипела я.

Он отпустил.

— Это была инструкция.

Мы оказались в широком коллекторе. Здесь было темнее, но просторнее. По центру текла черная вода, отражая редкие пятна аварийного света. Потолок терялся во мраке. По стенам, как вены, тянулись трубы разного диаметра. Некоторые дышали паром. Некоторые были оплетены странными светящимися жилами — не проводами, нет. Они пульсировали мягким синим светом, будто под камнем билось сердце.

Я остановилась, не в силах отвести взгляд.

— Что это?

Женщина с прибором даже не посмотрела.

— Эфирные магистрали. Питание верхних уровней. Декоративные фонтаны, климат-купола, частные небеса для тех, у кого браслеты из платины.

— Магия? — вырвалось у меня.

Худой парень тихо фыркнул.

— В Верхнем Городе это называют «тонкой энергетикой». В Нижнем — тем, что жрет людей.

Я хотела спросить, что это значит, но Гвоздь вдруг застонал и оперся плечом о стену. Его огромная ладонь скользнула по трубе, оставляя кровавый след.

Женщина выругалась коротко и страшно.

— Сюда.

Они втянули его в нишу между двумя трубами. Высокий присел рядом, сорвал с него часть бронезилета. Под ним ткань была разодрана, бок — залит кровью. Не алой киношной, а темной, почти черной в зеленом свете.

— Сквозное? — спросил худой.

— Нет, — ответила женщина. — Осколок внутри. Плохо.

— Не трогайте, — прохрипел Гвоздь. — Дойду.

— Ты уже не идешь, ты протекаешь.

Высокий повернулся к ней:

— Времени нет.

— Без перевязки он оставит дорожку до самого Сердца.

Сердце. Еще одно слово, которое ничего мне не объясняло и от этого звучало хуже.

Я стояла рядом, дрожа от холода, боли и бессилия. Кровь Гвоздя капала на бетон: раз, два, три. Маленькие красные точки на карте нашего бегства.

Женщина полезла в рюкзак, но рука ее дернулась.

— Черт.

— Что?

— Пакет герметика пробит.

Высокий ничего не сказал, но его молчание стало тяжелым.

Гвоздь усмехнулся, и эта усмешка сразу превратилась в кашель.

— Оставьте. Догоню в следующей жизни.

— Заткнись, — сказала женщина.

Я посмотрела на свой тренч.

Бежевый, дорогой, мягкий. Тот самый, который утром казался удачной покупкой. Тот самый, к которому я подбирала сумку. Остаток моего нормального мира, испачканный грязью, кровью, чужим дождем. Абсурдный символ прежней Алисы — женщины, которая знала, как выглядеть на встрече, но не знала, как остановить кровь в подземелье.

И вдруг я поняла: если эта вещь еще может что-то значить, пусть значит это.

Я сняла тренч.

— Дайте нож, — сказала я.

Все посмотрели на меня.

— Что? — спросила женщина.

— Нож. Быстро.

Высокий медленно вынул из-за пояса короткое лезвие и протянул мне рукоятку вперед. Я взяла его. Пальцы дрожали, но не так сильно, как раньше.

Ткань жалобно треснула под лезвием. Я резала свой красивый плащ на длинные полосы, и с каждым движением будто отрезала кусок прежней жизни. Вот — рукав, в котором я держала стакан с кофе. Вот — пояс, который я завязывала перед зеркалом. Вот — подкладка, гладкая, шелковистая, совершенно непригодная для ада, но пригодная для того, чтобы зажать рану.

— Нужно давить выше, — сказала я, сама удивившись своему голосу. — И туже. Очень туго.

Женщина быстро кивнула, перехватила ткань, но я уже присела рядом с Гвоздем и прижала первый слой к ране. Он дернулся, зашипел сквозь зубы.

— Прости, — выдохнула я.

— За что? — он попытался усмехнуться. — Не ты же в меня стреляла, красотка.

Высокий резко поднял голову.

— Не называй ее так.

Гвоздь умолк.

Я затянула узел. Ткань мгновенно пропиталась кровью, стала тяжелой, темной. Женщина добавила сверху еще одну полосу, потом еще. Худой парень подал какую-то металлическую скобу, и они закрепили повязку так, что Гвоздь едва не взвыл.

— Держит, — сказала женщина. В ее голосе впервые прозвучало нечто похожее на уважение.

Я вытерла руки о остатки подкладки, но кровь только размазалась по пальцам. Чужая кровь. Моя кровь. В этом мире, казалось, у всех была одна кровь — и разные права на нее.

Высокий забрал у меня нож.

— Умеешь перевязывать?

— Нет, — сказала я. — Сериалы смотрела.

Худой парень неожиданно тихо рассмеялся. Нервно, коротко, но всё же рассмеялся. Этот звук был таким человеческим, что у меня зашипало глаза.

Высокий не смеялся.

— Идем.

Гвоздь поднялся, опираясь на стену. Я хотела помочь, но он мотнул головой.

— Себя донеси.

Мы двинулись дальше.

Коллектор уходил вниз под едва заметным уклоном. Чем глубже мы шли, тем меньше становилось признаков города, который я знала. Сначала исчезли таблички. Потом — ровный бетон. Стены стали грубыми, каменными, будто мы спускались не в канализацию мегаполиса, а в катакомбы под древним храмом. Синие эфирные жилы встречались чаще. Иногда они уходили прямо в камень, и оттуда доносился слабый шепот.

Нет, не шепот.

Я останавливалась и прислушивалась, но звук исчезал. Возможно, это была вода. Возможно, ветер в трубах. Возможно, мой разум начинал трескаться.

Наверху мир ревел. Здесь мир молчал.

Пару раз мы замирали в нишах, пока по соседним тоннелям проходили патрульные дроны: маленькие, паукообразные, с тонкими ножками, цокающими по потолку. Женщина гасила наш зеленый огонек, и мы растворялись в темноте. Я слышала, как рядом дышат люди, которые спасли меня, но всё еще могли стать моими тюремщиками. Слышала, как Гвоздь сдерживает стон. Слышала свое сердце, громкое, неприлично живое.

Один дрон остановился совсем близко.

Его линза повернулась к нам.

Я не видела ее, но почувствовала взгляд машины — пустой, вычисляющий. Еще секунда, и она нас найдет. Еще вдох, и всё закончится.

Высокий медленно поднял металлическую руку. Из его пальцев выдвинулась тонкая игла. Женщина едва заметно покачала головой: нельзя.

Игла замерла.

Дрон щелкнул, будто принялся.

Вдруг где-то далеко в боковом тоннеле раздался грохот — обвал или специально запущенная приманка. Дрон мгновенно развернулся и умчался на звук.

Я поняла, что все это время не дышала.

— Сколько еще? — прошептала я, когда мы снова пошли.

— До места, где тебя смогут допросить? — спросил худой.

— До места, где меня не продадут.

Он не ответил.

И это молчание было честнее любого утешения.

Наконец впереди показался свет.

Не неоновый. Не красный полицейский. Не белый хирургический. Теплый, дрожащий, живой.

Огонь.

Мы вышли из коллектора в огромный подземный зал, и я остановилась на пороге.

Когда-то это, наверное, была станция метро. Я узнала изгиб платформы, темный провал тоннеля, остатки мозаики на стенах. Но теперь станция стала чем-то другим — убежищем, раной, поселением призраков.

По рельсам тянулись кабели. Между колоннами висели ткани, превращенные в стены. В старых вагонах горели лампы, подключенные к самодельным батареям. У костров сидели люди — худые, бледные, с обритыми головами, с ожогами на шеях. Некоторые подняли глаза на нас. Некоторые сразу опустили. У многих на местах ошейников зияли шрамы, грубые и страшные, как следы от укуса железного зверя.

Здесь не было неона.

Не было голограмм, обещающих покорность в подарок.

Не было браслетов, сверкающих правом называться человеком.

Здесь был только низ города, его забытое дно. Место, куда не падал свет витрин. Место, где люди, которых система уже списала, упрямо продолжали дышать.

Я сделала шаг вперед, и ноги наконец отказали.

Пол ударил по коленям. Я не почувствовала боли сразу — только усталость, огромную, черную, накрывшую меня с головой.

Кто-то рядом сказал:

— Привели.

Другой голос, незнакомый, настороженный:

— Это она?

Высокий с металлической рукой снял маску.

Я не успела разглядеть его лицо. Перед глазами всё поплыло.

Последнее, что я увидела, прежде чем темнота сомкнулась уже внутри меня, — это десятки людей на заброшенной станции, смотрящих на мои голые запястья так, будто я была не человеком, а вопросом, на который никто из них не хотел знать ответ.

Сознание возвращалось рывками, сквозь плотную, удушливую пелену пульсирующей боли в затылке. Сначала вернулись запахи. Резкий аромат дешевого табака, жженой изоляции, медикаментов и застарелого, кислого пота. Затем — звуки. Треск горящих дров, приглушенный гул голосов, металлическое лязганье где-то во тьме.

Я попыталась поднять руку, чтобы потереть лоб, но запястья дернуло. Жесткий нейлоновый шнур впился в кожу.

Мои глаза распахнулись.

Я сидела на шатком металлическом стуле, привязанная к нему за руки и за талию. Ноги, превратившиеся в сплошной кровавый комок, упирались в холодный бетон. Мой растерзанный бежевый тренч исчез — я осталась в одной шелковой блузке, которая теперь была покрыта пятнами грязи и чужой крови.

Я судорожно дернулась, пытаюсь ослабить путы, но стул лишь жалобно скрипнул.

— Не трать калории. Узлы затягивал я.

Голос прозвучал из тени. Тот самый голос. Хриплый, сухой, лишенный иллюзий.

Я замерла, вглядываясь в полумрак. Мое зрение постепенно адаптировалось к тусклому свету желтых галогенных ламп, развешанных на ржавых проводах под сводами бывшей станции метро.

Вокруг стула полукругом стояли люди. Человек десять или двенадцать. Тени из Нижнего мира. Худые, изможденные лица, впалые глаза, смотрящие на меня с пугающей смесью ненависти, голода и страха. На них были лохмотья, куски рабочей униформы, элементы пластиковой брони.

Но главное, что их объединяло, — шея.

У каждого, кто стоял в этом круге света, шея была изуродована. Грубые, багровые келоидные рубцы, ожоги, вмятины в плоти. Это были не просто шрамы. Это были следы вырванных с мясом ошейников. Метки тех, кто выжил после того, как система попыталась их сломать, или тех, кто предпочел содрать с себя контроль вместе с собственной кожей.

Из-за спин этих живых призраков шагнул он.

Высокий. Тот, кто тащил меня по вентиляции. Теперь на нем не было маски. Лицо оказалось резким, с острыми скулами и тяжелым подбородком, покрытым темной щетиной. Глаза — цвета тусклой стали, холодные, оценивающие. В них не было возраста, только смертельная усталость человека, который слишком долго смотрел в бездну и привык, что она смотрит в ответ.

Он был одет в потертую тактическую куртку с закатанными рукавами. И именно его руки приковали мой взгляд.

Левая рука была обычной, человеческой, с узловатыми пальцами. А вот правая... Начиная от локтя и до самых кончиков пальцев, это был сложный механизм из матового темного металла, переплетенных синтетических сухожилий и открытых поршней. При каждом его движении раздавалось едва слышное змеиное шипение гидравлики.

Но самым диким был контраст. На левом, живом запястье этого изгоя из трущоб, тускло поблескивал массивный, невероятно толстый браслет. Золотой. Символ высшей касты, элиты, хозяев жизни. Он носил его как насмешку, как трофей или как идеальную маскировку.

Он подошел ко мне вплотную. Оперся металлической рукой о спинку моего стула. Металл скрипнул под давлением.

— Кому ты принадлежишь? — спросил он тихо, но так, что гул на станции мгновенно стих.

— Я... я ничья, — мой голос дрогнул, выдавая первобытный страх. — Я принадлежу самой себе.

Он криво усмехнулся. В этой улыбке не было ни капли веселья.

— Ничья. Принадлежишь себе. — Он медленно обошел вокруг стула. — Знаешь, я видел много беглых. Видел тех, кто перерезал плотку хозяину десертным ножом. Видел тех, кто выгрызал чип слежения из собственной руки зубами. Но ты... ты другая.

Он остановился передо мной, грубо схватив меня за подбородок живой рукой. Его пальцы пахли порохом и кровью. Он повернул мое лицо к свету.

— Идеальная кожа, — процедил он, словно диктуя протокол вскрытия. — Ни одного следа от побоев, ни единого шрама от электрошока. Волосы пахнут химией, которую продают только на верхних ярусах. Зубы, которые никогда не знали цинги и синтетической пайковой пасты. Ногти с маникюром, ради которого кому-то пришлось работать месяц. И ни малейшего следа от клейма.

Он отпустил мое лицо и безразлично вытер руку о штанину.

— Ты не рабыня, сбежавшая из забоя. Ты — элитная игрушка. Постельная кукла какого-нибудь Лорда из Верхнего Города, которая решила поиграть в независимость. Или, что еще хуже, шпионка. Наживка.

— Вы с ума сошли! — я рванулась вперед, игнорируя боль в натертых запястьях. Адреналин снова ударил в кровь, выжигая панику, оставляя только чистую, звенящую ярость. — Какая кукла?! Какой Лорд?! Меня зовут Алиса! Я шла на работу! Я зашла в кофейню на проспекте, и вдруг... свет, и я здесь! Я требую, чтобы вы меня отпустили! Вы не имеете права меня здесь держать!

Мой крик эхом отразился от сводов станции. Толпа изгоев переглянулась. Кто-то нервно хохотнул.

Мужчина посмотрел на меня с искренним, ледяным любопытством, словно на насекомое, которое внезапно заговорило.

— Требуешь? — он склонил голову набок. Механические пальцы отбили неровный ритм по бедру. — Ты требуешь прав. Здесь. На глубине ста метров под городом, где власть Валериуса заканчивается и начинается территория трупов.

Он резко подался вперед, нависнув надо мной. Его стальные глаза оказались в сантиметрах от моих.

— Слушай меня внимательно, Алиса-из-кофейни. В этом мире есть только два права. Право тех, у кого есть железо на руке, ломать тех, у кого на шее ошейник. И право тех, у кого на шее ошейник, сдохнуть, чтобы не служить. Ты стоишь без метки посреди улицы. Для Ловцов ты — джекпот. За твою идеальную тушку на аукционе дадут столько кредитов, что можно купить целый квартал.

— Я не вещь! — выплюнула я ему в лицо.

— Докажи, — парировал он.

Он выпрямился и щелкнул механическими пальцами.

— Финч! Тащи сканер. Посмотрим, какому ублюдку мы сегодня испортили вечер.

Из толпы вынырнул тощий паренек в съехавших на нос очках. В руках он сжимал массивный, пугающего вида прибор, усеянный линзами и мигающими индикаторами. От прибора тянулся толстый кабель к портативному терминалу, висящему на его груди.

— Рэй, — неуверенно пробормотал паренек, глядя на меня со смесью жалости и опаски. — Если она из Верхнего, сканер может отправить пинг на их сервера. Нас засекут.

Значит, его зовут Рэй.

— Я сказал, тащи сканер, Финч, — отрезал Рэй. — Пустим запрос через теневой прокси. Если она шпионка Валериуса и у нее под кожей трекер — я хочу знать это до того, как Гончие вышибут эти двери.

Финч сглотнул и подошел ко мне.

— Не двигайся, пожалуйста, — прошептал он. — Это будет неприятно, но не больно.

— Не смей ко мне прикасаться! — я снова забилась на стуле. Моя уверенность дала трещину. Если они просканируют меня и решат, что я угроза, этот Рэй убьет меня, не моргнув глазом. Я видела, что он сделал с охранниками. Для него человеческая жизнь не стоила ничего.

Рэй шагнул ко мне, его живая рука жестко, но без излишней жестокости зафиксировала мой затылок, прижимая голову к спинке стула.

— Открой глаза, — приказал он.

Я зажмурилась, отворачиваясь.

— Я сказал, открой глаза, Алиса! — его голос лязгнул металлом. — Если ты та, за кого себя выдаешь — случайная жертва системы, — тебе нечего бояться. Но если база выдаст имя хозяина, я лично сверну тебе шею, чтобы Ловцы не нашли нас по твоему маячку.

Это было не просто угрозой. Это было обещанием.

Я поняла, что у меня нет выбора. Медленно, дрожа всем телом, я разомкнула веки.

Финч приставил прибор к моему лицу. Из черного дула линзы ударил ослепительно яркий, режущий красный луч. Он просканировал сетчатку правого глаза, затем мигнул синим, уходя куда-то в глубину зрачка. Я инстинктивно попыталась отшатнуться, но рука Рэя держала меня намертво.

— Считывание ДНК-маркера и сетчатки завершено, — пискнул Финч, отступая на шаг. Рэй отпустил мою голову. Я судорожно заморгала, пытаюсь избавиться от цветных пятен, пляшущих перед глазами.

— Ну? — нетерпеливо бросил Рэй, глядя на экран терминала Финча. — Чье это клеймо?

Финч лихорадочно стучал по клавишам. Его лицо, освещенное зеленоватым светом монитора, начало бледнеть. Он нахмурился, поправил очки и ударил по клавиатуре еще раз, словно перезагружая систему.

— Финч. Не заставляй меня ждать, — голос Рэя стал опасно тихим.

— Рэй... тут какая-то ошибка, — голос хакера дрогнул. Он поднял на лидера Подполья испуганный взгляд. — Я прогнал ее биометрию по открытым базам. Ничего.

— Прогони по закрытым. По архивам аукционов. По базам отбракованного биоматериала. Ищи по ДНК!

— Я уже! — Финч развернул терминал так, чтобы Рэй мог видеть экран. — Я запустил поиск по Центральному Узлу. По архивам Валериуса. По реестру Ловцов. По спискам рожденных за последние сорок лет. Рэй...

Хакер сглотнул, указывая трясущимся пальцем на мигающую красную надпись на экране: [СОВПАДЕНИЙ НЕ НАЙДЕНО. ОБЪЕКТ НЕ ИДЕНТИФИЦИРОВАН].

— Ее нет, — прошептал Финч в наступившей мертвой тишине. — У нее не просто нет статуса или хозяина. Ее генотипа нет в природе. Этого человека... не существует в нашем мире.

Рэй замер. Его взгляд медленно оторвался от экрана и переместился на меня. Вся его циничная уверенность, вся жесткость вдруг треснули, обнажив нечто, чего я никак не ожидала увидеть в глазах этого безжалостного убийцы.

Ужас.

Он посмотрел на меня так, словно я была бомбой с часовым механизмом, таймер которой только что дошел до нуля.

— Ты... — голос Рэя сел. Он сделал шаг назад, словно обжегшись. — Ты не с верхних ярусов.

— Я же вам говорила! — крикнула я, чувствуя, как по щекам текут злые слезы бессилия. — Я из своего города! Я из своего мира! Верните меня домой!

Рэй не ответил. Он повернулся к своим людям.

— Развяжите ее, — приказал он глухо. — И закройте внешний периметр. Все гермодвери. Если они поймут, кого именно упустили в том туннеле, через час здесь будет вся армия Валериуса.

Он снова посмотрел на меня, и в этот раз в его взгляде не было презрения. В нем было понимание обреченности.

— Мы не сможем вернуть тебя домой, Алиса, — тихо сказал Рэй. — Потому что дверь, через которую ты вошла, открыта не для того, чтобы выпускать.

Гвоздь с тихим шелестом разрезал нейлоновые стяжки на моих запястьях. Я пошатнулась, когда кровоток резко хлынул в онемевшие кисти, отозвавшись тысячей раскаленных игл. Никто не попытался меня поддержать.

Я медленно растерла красные рубцы на коже. Толпа беглых рабов, только что смотревшая на меня как на кусок мяса, теперь отступала, расступаясь, словно я была заражена неизвестным вирусом. В их глазах больше не было хищного интереса — только суеверный, липкий страх перед чем-то, что ломает законы их реальности.

Рэй не смотрел на меня. Он тяжело, с каким-то стариковским усилием развернулся и зашагал к глубине платформы, туда, где в старом, выпотрошенном вагоне метро мигал бледный свет.

— Иди за мной, — бросил он через плечо.

У меня не было выбора. Мои босые ступни оставляли на пыльном бетоне влажные красноватые следы. Я вошла в вагон вслед за ним.

Внутри пахло канифолью, нагретым пластиком и озоном. Весь вагон представлял собой хаотичный командный пункт, собранный из промышленного мусора. Вдоль окон тянулись гирлянды искрящихся проводов, а по центру стоял массивный металлический стол, в который были вмонтированы разномастные серверные блоки и голографические проекторы со скрученными изолентой линзами.

Финч уже был там. Он нервно грыз ноготь, глядя на пустой стол, пока загружалась система.

Рэй подошел к консоли. Его металлическая рука с тихим жужжанием легла на край стола, оставив на нем вмятину. Он молчал, собираясь с мыслями. В тусклом свете мониторов его лицо казалось высеченным из серого камня.

— Наш мир мертв, Алиса, — произнес он наконец, не поднимая глаз. Голос звучал ровно, без эмоций, как у патологоанатома, читающего заключение. — Мы построили идеальную утопию для десяти процентов населения за счет крови остальных девяноста. Мы создали систему, в которой рабство стало не просто экономикой, а фундаментом эволюции. Но у любой идеальной системы есть предел прочности.

Рэй нажал несколько кнопок на живом, пульсирующем синим светом кабеле, подключенном к консоли. Над столом с треском вспыхнула зернистая голограмма.

— Биоматериал начал заканчиваться, — продолжил он. — Нижние уровни, шахты, токсичные плантации — они сжигают людей быстрее, чем те успевают размножиться. Экология на дне такова, что женщины рабов рожают мертвецов в восьми случаях из десяти. А элита... элита привыкла менять слуг, как перчатки. Возник дефицит. Система начала пожирать саму себя.

Голограмма над столом завращалась, формируя графики. Кривые падали вниз, в красную зону.

— Чтобы удержать власть и не лишиться своих шелковых простыней, Архитектор системы, Лорд Валериус, приказал найти решение, — Рэй поднял на меня тяжелый взгляд. — Любой ценой. И его ученые нашли. Они пробили мембрану.

Финч судорожно сглотнул и ударил по клавиатуре.

Графики исчезли. Проектор жалобно пискнул, и в воздухе повисла видеозапись. Она была без звука, снятая с какого-то странного, искаженного ракурса, словно через дверной глазок или камеру наблюдения с дешевой оптикой.

Но я узнала это место с первой секунды.

Мое дыхание остановилось. Сердце пропустило удар, а затем забилось так сильно, что отдалось в горле.

Это был мой город. Мой мир.

Узкий переулок за баром на Литейном. Я видела знакомые кирпичные стены, граффити, мусорный бак, на котором кто-то нарисовал корону. Шел дождь. Капли разбивались о лужи под светом желтого фонаря. У стены сидел сгорбленный человек в грязном пуховике — бездомный, съездившийся от холода.

— Смотри внимательно, — прошептал Рэй.

Воздух в переулке на голограмме вдруг пошел рябью. Словно кто-то бросил камень в идеальную гладь воды. Пространство исказилось, растянулось, и в центре этой ряби вспыхнул знакомый мне ослепительно-белый свет. Тот самый свет, от которого у меня заложило уши перед дверью кофейни.

Из света, как из разверзшейся пасти, бесшумно шагнули три массивные фигуры в черной броне. Ловцы.

Бездомный вскинул голову. Он даже не успел закричать или поднять руки. Один из Ловцов взмахнул парализатором. Бездомный обмяк, как тряпичная кукла. Двое других подхватили его под руки, легко, словно он ничего не весил, и шагнули обратно в светящуюся брешь.

Вспышка погасла. Переулок остался пустым. Только пустая бутылка, которую выронил бездомный, продолжала катиться по мокрому асфальту.

Я вцепилась пальцами в край металлического стола, чтобы не упасть. Ком в горле стал твердым, как камень.

— Это... это невозможно, — прошептала я, качая головой. — Вы не можете... это кино. Это какой-то больной монтаж!

— Финч, — глухо приказал Рэй. — Покажи ей сводку.

Изображение переулка сменилось картой. Картой Земли. *Моей* Земли. Северная Америка, Европа, Азия. Континенты слабо светились в темноте вагона.

А затем на карте начали появляться красные точки.

Сначала одна. Две. Пять.

— Первый месяц экспериментов, — прокомментировал Рэй. — Они называли это «Проколами». Точечные микро-порталы. Они забирали тех, кого никто не будет искать. Бездомных. Беглых подростков. Нелегалов. Тех, у кого нет документов. Людей-невидимок. В вашем мире списывали это на статистику пропавших без вести.

Точек становилось больше. Они вспыхивали десятками, сотнями.

— Второй месяц. Технология стабилизировалась. Валериус понял, что нашел золотую жилу. Зачем выращивать рабов, тратить ресурсы на их содержание с пеленок, если можно просто протянуть руку и забрать готовых, здоровых людей?

Карта начала наливаться красным цветом. Точки сливались в огромные пульсирующие пятна над мегаполисами моего мира. Нью-Йорк. Лондон. Токио. Москва. Мой родной город полыхал багровым.

— А это — текущая неделя, — Рэй оперся обеими руками о стол, нависая над голограммой. — Они перестали осторожничать. Их больше не волнуют бездомные. Врата работают на полную мощность. Они забирают людей с улиц, из машин, из квартир. Твоя кофейня была просто очередной зоной захвата. Алгоритму плевать, дизайнер ты, мать двоих детей или студент. Для них вы все — просто двуногий скот без браслетов. Бесхозный ресурс, который нужно оприходовать, чипировать и выставить на аукцион.

Я смотрела на красные пятна, и мир вокруг меня начал вращаться.

Внезапно я перестала быть Алисой, которая случайно выпала из зоны комфорта. Я вспомнила свою младшую сестру, Майю. Она вечно забывала зарядить телефон. Она возвращалась с пар поздно вечером через парк. Я вспомнила своих коллег. Соседей. Людей в метро, которые утыкались в смартфоны, не подозревая, что ткань их реальности уже трещит по швам, пропуская в наш мир чудовищ с электрошокерами и ошейниками.

Они не знали. Никто из них не знал. У них не было ни единого шанса защититься.

— Почему? — мой голос сорвался на жалкий сип. По щекам текли слезы, но я их не замечала. — Почему наши военные ничего не делают? Где армия?

— Проколы длятся три секунды, — мрачно ответил Финч, поправляя очки на переносице. — Они не оставляют радиационного фона. Ваше оружие, ваши радары их не видят. Для вашего мира люди просто... испаряются в воздухе. Ни улики. Ни свидетелей.

Рэй обошел стол. Он приблизился ко мне так близко, что я почувствовала запах пепла, исходящий от его одежды. Он взял меня за плечи обеими руками — холодной сталью и теплым мясом, — заставляя оторвать взгляд от страшной карты и посмотреть ему в глаза.

— Твой мир — это не параллельная реальность, Алиса, — произнес он медленно, чеканя каждое слово, чтобы оно навсегда впечаталось в мой мозг. — Для Валериуса это просто новый, неисчерпаемый инкубатор. Ферма. И дверь туда уже открыта настезь.

Он отпустил меня и сделал шаг назад.

— Завтра в полночь, — сказал Рэй, глядя на меня потемневшими глазами, — Архитектор запускает Врата второго поколения. Они больше не будут выдергивать людей по одному. Они начнут всасывать целые кварталы. Они перенесут сюда тысячи. А потом миллионы. Ваша цивилизация станет кормовой базой для нашей. И никто, кроме нас в этом подземелье, не собирается это останавливать.

Воздух в вагоне казался отравленным. Я задыхалась от масштаба надвигающейся катастрофы. Мое желание просто «попасть домой» вдруг показалось мне нелепым, детским эгоизмом.

Куда возвращаться? В мир, который уже приговорен?

Я вытерла лицо тыльной стороной грязной ладони. Слезы остановились. На их место пришла пустота, а за ней — обжигающий, ледяной гнев. Тот самый гнев, который заставил меня поднять кусок арматуры на Ловцов в туннеле.

Я выпрямилась, чувствуя, как хрустнули позвонки, и посмотрела на Рэя.

— Как вы собираетесь это остановить? — мой голос зазвучал иначе. В нем больше не было истерики. Только сухой, металлический холод.

Рэй прищурился. В его взгляде мелькнула искра. То ли удивление, то ли мрачное одобрение.

— Мы не можем взорвать Врата снаружи. Они в Верхнем Городе. За силовыми полями, биометрическими замками и армией Гончих. Чтобы отключить их, нам нужны коды первичного доступа, которые есть только у Архитектора на его личном терминале.

— И как вы их достанете, если вы сидите здесь, как крысы под полом? — жестко спросила я.

Рэй криво усмехнулся. Он поднял свою кибернетическую руку и постучал пальцем по золотому фальшивому браслету на левом запястье.

— Мы не достанем. Но есть кое-кто, кто сможет пройти через парадный вход. Кто-то, у кого идеальная, холеная кожа с верхних ярусов. Кто-то с манерами элиты. Кто-то, кто не сломлен и не источает запах страха, как каждый раб в этом городе.

Он указал на меня.

— Ты, Алиса. Я дам тебе золото. Я сделаю тебя Хозяйкой Жизни. И ты пойдешь на элитный аукцион Валериуса, чтобы украсть коды от двери, которая убивает твой мир. Либо ты поможешь нам, либо можешь сгнить в этом подземелье, зная, что следующей, кого вытащат из Прокола, может оказаться твоя семья.

Ловушка захлопнулась. Я стояла в центре чужого кошмара, понимая, что единственный путь домой лежит через самое сердце ада. И я должна была стать демоном, чтобы его пройти.

Глава 3.

Вода была ледяной. Не прохладной, не освежающей, а такой, от которой перехватывало дыхание и сводило мышцы. Она била из ржавой лейки кривой струей, пахла железом и какими-то химикатами, но в тот момент казалась мне величайшим благом во вселенной.

Я стояла под душем в крошечном, отгороженном куском брезента закутке на краю заброшенной платформы.

— У тебя десять минут, — сказал Рэй, прежде чем задернуть ткань. — Смой кровь. И подумай. Если скажешь «нет», я дам тебе лохмотья, и ты пойдешь к костру. Будешь жить как мы. Долго и счастливо, пока нас всех не выжгут огнеметами.

Десять минут. Шестисот секунд, чтобы решить: остаться прятаться в подземелье, медленно превращаясь в призрака, или добровольно сунуть голову в пасть чудовищу, которое прavit этим миром.

Я терла кожу жестким, как наждак, куском серого мыла, пытаюсь смыть с себя следы прошедшего дня. Вода под ногами закручивалась в грязную бурю воронку, унося в слив кровь охранников, пыль туннелей и остатки моей старой жизни.

Я зажмурилась, подставляя лицо под ледяные струи, но это не помогло. Темнота под веками мгновенно заполнилась образами, от которых сердце сжималось в болезненный комок.

Красные точки на голографической карте Земли. Пульсирующие очаги эпидемии. Проколы.

Мой мозг, привыкший мыслить категориями дедлайнов, презентаций и бюджетов, отчаянно пытался рационализировать происходящее. Я цеплялась за спасительную мысль: «Это не моя война». Я всего лишь дизайнер из рекламного агентства. Я не умею стрелять. Я падаю в обморок при виде открытого перелома. Почему я должна спасти мир? Пусть этим занимаются военные, спецслужбы, правительство!

Но перед глазами снова всплыла та запись из переулка. Бездомный, растворяющийся во вспышке света. Трехсекундный Прокол. Идеальное преступление, не оставляющее следов. Наши правительства ничего не сделают, потому что они даже не знают, с кем воюют. Для них люди просто... исчезают.

А затем в грудь ударило воспоминание, острое, как бритва.

Майя.

Моя младшая сестра. Ей девятнадцать. Она вечно ходит в огромных наушниках, слушая свои дурацкие подкасты, жует жвачку и забывает смотреть по сторонам на пешеходных переходах. Мы ссорились на прошлой неделе из-за того, что она снова взяла мою куртку без спроса. Я накричала на нее. Я сказала, что у меня нет времени решать ее детские проблемы, потому что у меня «важный проект».

Я зажала рот рукой, подавляя рвущийся наружу крик.

Каждый день Майя ходит на учебу через парк. Поздно вечером. Одна.

Что, если следующий Прокол откроется прямо перед ней? Что, если эти ублюдки в черной броне вышагнут из света и схватят ее? Майя не будет бить их трубой. Она замрет от ужаса. А потом окажется в таком же стерильном зале, на хирургическом кресле, где человек в белом фартуке приставит пневматический пистолет к ее шее и защелкнет ошейник покорности.

Мою сестру. Мою маленькую, бестолковую, смешную Майю превратят в пустую оболочку. В вещь. В инвентарь с серийным номером, который будут продавать на аукционе за кусок платины.

— Нет, — прошептала я. Голос дрогнул, сорвавшись на всхлип. — Нет. Пожалуйста, нет.

Ноги подогнулись. Я сползла по склизкой кафельной стене, обхватив колени руками, и ледяная вода била меня по плечам, смешиваясь с горячими слезами.

Паническая атака накрыла с головой. Грудь сдавило тисками. Я задыхалась, хватая ртом воздух, пропитанный запахом ржавчины. Мир вокруг схлопнулся до размеров этой грязной душевой кабины. Я не справлюсь. Я просто умру там, наверху. Меня поймают, вскроют мне череп, выпотрошат и выбросят. Я не герой.

Я сидела на полу, раскачиваясь из стороны в сторону, пока холод не начал проникать в самые кости. Дрожь стала неконтролируемой.

«Если скажешь "нет", я дам тебе лохмотья, и ты пойдешь к костру».

Остаться здесь. Стать одной из них. Прятаться во тьме, питаясь крысами и синтетическим пайком. Ждать, пока Ловцы не найдут этот бункер. И каждый день, каждую секунду своей жалкой, затянувшейся жизни знать, что в это самое время где-то наверху, через Прокол, из моего мира вытаскивают новых людей. Может быть, соседей. Может быть, коллег. Может быть, Майю.

Я буду сидеть в безопасности и знать, что расплатилась за нее их жизнями.

Смогу ли я после этого спать? Смогу ли я смотреть в глаза этим людям со шрамами от ошейников? Смогу ли я вообще считать себя человеком, если промолчу?

Свобода — это не только когда ты не носишь ошейник. Свобода — это когда ты не позволяешь надеть его на других.

Я не знаю, откуда взялась эта мысль. Возможно, она родилась из той самой звенящей пустоты, которая спасла меня в туннеле. Но вместе с ней паника начала отступать. Дыхание выровнялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.